

общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров [8]. Данные положения являются обязательными для всех государств – участников Конвенции.

Список использованных источников:

1. Юридический словарь: информ.-аналитический ресурс. – URL: <https://multilang.pravo.by/ru/term/index/1579?size=25&type=3&langname=ru> (дата обращения: 15.04.2026).
2. О хозяйственных обществах: Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08 июля 2024 № 27-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2026).
3. О потребительской кооперации: Закон Республики Беларусь от 25 февраля 2002 г. № 93-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
4. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 6 марта 1998 г. № 368: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 ноября 2023 г. № 769 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
5. Защита интеллектуальной собственности: учебное пособие / О. В. Черкасова. – Екатеринбург: УрФУ, 2023. – 128 с.
6. О патентах на сорта растений: Закон Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
7. О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 214-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
8. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в г. Париже 20.03.1883 г.). – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=i08300001&q_id=2646191 (дата обращения: 01.04.2026).

**УМНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ УСТРОЙСТВА
КАК СРЕДСТВО КОМПЕНСАЦИИ
УТРАЧЕННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА**

Василевич Д.Г.,

*университет Национальной Академии наук Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент*

На основе коллаборации права и нейронауки вполне возможна реализация в перспективе идеи о построении «модели права, адаптированной к природе человека и способу функционирования его мозга, влиянии на работу мозга на нейронном уровне» [1, с. 52–58]. Отмечается расширение номенклатуры нейропротезов, интегрируемых с человеком в различной плоскости: физически, функционально, психологически, феноменологически [2, с. 68–71].

Нейроинтерфейсы являются устройствами двунаправленного действия, когда обеспечивают коммуникацию между нервной системой и компьютером. Справедливо утверждение А. Л. Хохлова и Д. Ю. Белоусова, что указанные «умные» устройства также могут быть подвержены хакерским атакам, повышаются риски в связи со слиянием ряда характеристик, в том числе особенностями накапливаемой информации, возникающими угрозами того, как она может быть использована. Они не исключают не только злой умысел, включая кражи информации, манипулирование устройством, введение вредоносных программ, но и неумышленные ошибки, признают существование опасности причинения вреда здоровью человека и даже наступления его смерти из-за таких действий [3, с. 92].

Такой же позиции придерживается А.Н. Городищева в силу того, что интернет-тело является вызовом не только человеческой автономии, но касается содержания этических принципов [4, с. 140]. Существуют нерешенные касающиеся пределов контроля за поведением недееспособных, несовершеннолетних и иных лиц.

Неоднозначно к возможности вживления в мозг человека чипов относятся представители РПЦ. Приемлемой считается имплантация в тело человека для его исцеления или восстановления функций, но отрицательно оценивается использование электронных устройств для превращения человека в кибернетический механизм [5].

Некоторые футурологи прогнозируют, что в обозримом будущем искусственный интеллект (ИИ), достигнув технологической сингулярности, будет самостоятельно развиваться. Это побуждает многие государства усиливать правовую регламентацию использования искусственного интеллекта [6, с. 26–27].

«Накачивание умными устройствами» человека при отсутствии для этого требований объективного характера может привести к неравенству между людьми, созданию для отдельных из них преимуществ, не обусловленных их природными качествами. Существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентоспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества.

Оценивая значение генетических технологий с социальных позиций, в литературе правильно подчеркивается опасность разделения людей на разные генетические касты; должны быть соционормативные барьеры против биосоциального раскола, при этом важны религиозная аргументация и моральные ценности [7, с. 102–106].

Согласны по указанным причинам с позицией В.В. Лапаевой [7, с. 107–108], что высказанная в литературе идея о легитимизации биоулучшения человека, его физических и когнитивных способностей [8, с. 29–41] чревата негативными последствиями. Таким образом, речь идет не только о позитивном эффекте, но и возможных рисках для человека. Важно сохранять

антропологический вектор развития права и практики, несмотря на переживаемый период психоментальной трансформации, обусловленной проникновением во все сферы человеческого бытия цифровизации. Формируется новая антропотехнореальность, в том числе посредством появления новых ранее неизвестных большинству людей терминов и категорий.

Цифровые технологии предполагают адаптацию и подстройку к новой инфраструктуре, основной составляющей которой является цифровизация, существенно меняющая образ жизни человека и содержание его повседневной деятельности [10].

В научный оборот введены такие понятия, как бионейроконституционализм (И.А. Кравец), «расширенное тело». В частности, М.И. Пантыкина обращает внимание на проблемы юридикации различных форм бытия «расширенного тела», то есть тела человека, которое претерпело модификацию с учетом новых технологических возможностей. Указанные и другие авторы, например, Г.Б. Романовский, исследуют многосторонние грани появляющихся связей под воздействием цифровых технологий. На связь медицинских, биогенетических и цифровых технологий как современной тенденции и фактора трансформации человеческого тела обращают внимание с позиций футурологии Л.Д. Александрова, Е. Л. Трушникова [11, с. 91–92].

Необходимо осмысление социокультурного вектора развития, а также своевременная философская и правовая рефлексия на новый спектр общественных отношений, так как происходит динамичное изменение социальных связей, характер коммуникации. Это обуславливает значимость исследований многообразия сознания, меняющихся форм повседневности [12, с. 46–51].

Происходящие в последние десятилетия техно-социальные и информационные процессы изменяют модели и формы коммуникации, предполагают новые подходы к правовому регулированию отношений в общественной среде, обремененной цифровыми технологиями. Происходит процесс форматирования нового социотехнического дизайна цифровой реальности [13]. Благодаря технологической революции совершенствуются интерфейсы как проводники между человеком и техническим устройством, в том числе посредством развития коммуникаций между человеком и техническим устройством, расширения физиологических показателей человека.

Еще недавно явным прорывом в данной области была разработка технологии экзоскелетов, помогающие человеку, у которого не работают функции (например, рук) или он обездвижен, компенсировать эти физические недостатки. Люди учатся ходить, экзоскелеты делают человека сильнее, помогают ему в выполнении работ (например, переносить тяжести) и др.

Новым и явно актуальным является применение цифровых технологий для расширения когнитивных способностей человека, использование чипирования. Однако технологии развиваются, ученые и специалисты не стоят на месте. Они стремятся создать такие приспособления, которые обеспечивали связь с мозгом человека, коммуницировать с ним и без внедрения чипов,

посредством внешнего влияния, что более безопасно для человека. Такого рода «прорывные» технологии имеют огромную перспективу и могут принести пользу людям, органы которых утратили свои функции.

Считается, что использование функции интерфейса стало возможным благодаря разработкам цифровых технологий, посвященным виртуальной реальности и дополненной реальности.

Полагаем, что законодательство и практика нуждаются в разрешении некоторых проблемных вопросов. В частности, необходимо решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. Все зависит от состояния человека, который использует «умные» устройства. На наш взгляд, если в результате таких умышленных действий наступила смерть лица, которое находилось в беспомощном состоянии и лишь благодаря нейроинтерфейсу могло осуществлять свои функции, то их следует квалифицировать по пункту 2 ч. 2 ст. 139 «Убийство» УК Республики Беларусь

Таким образом, существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентоспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества. Необходимо решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. При оценке такого деяния важно учитывать состояние человека, который использует «умные» устройства, его способность распорядиться ими. Технология нейрокомпьютерного интерфейса (НКИ) имеет значительный потенциал для дальнейшего использования: диагностики, мониторинга функционирования мозга, работы в условиях, грозящих жизни и здоровью человека, в криминалистике, при расследовании преступлений. Явную перспективу имеет развитие нейронаук.

Список использованных источников:

1. Хабриева, Т.Я. Правовые очерки технологической революции / Т.Я. Хабриева. – М. : Норма : ИНФРА-М ; Российская академия наук, 2026. – 144 с.
2. Белова, Д.А. Нейроправо: правовой аспект исследования применения нейротехнологий: монография / Д.А. Белова. – М. : Проспект, 2025. – 117 с.
3. Хохлов, А.Л. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией Интернета тела / А.Л. Хохлов, Д.Ю. Белоусов // Качественная клиническая практика. – 2021. – № 2. – С. 89-98.
4. Городищева, А. Н. Интернет вещей и его место в информационном обществе / А.Н. Городищева, Э.В. Замятина // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2015. – № 1. – С. 134-143.
5. В РПЦ заявили, что вживление чипов в мозг не соответствует «божьему замыслу о человеке». – URL: <https://news.mail.ru/society/46823697/> (дата обращения: 15.02.2026).
6. Никитин, Ю. О правовом регулировании искусственного интеллекта / Ю.О. Никитин // Законность и правопорядок. – 2024. – № 2. – С. 24-28.

7. Лапаева, В.В. Социальные риски генетической революции: с позиций правового подхода / В.В. Лапаева // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 100-110.
8. Белялетдинов, Р.Р. Биокультурная теория и проблема редактирования человека / Р.Р. Белялетдинов // Человек. – 2021. – Т. 32. – № 6. – С. 29-41.
9. Асеева, И. А. Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности? / И. А. Асеева // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 141-156.
10. Чернов, И. В. Здоровье человека в условиях цифровой трансформации современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.8 / Чернов Илья Владимирович; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». – Белгород, 2022. – 21 с.
11. Александрова, Л. Д. Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры / Л. Д. Александрова, Е. Л. Трушеникова // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – С. 91-97.
12. Розенберг, Н. В. Феноменология как методологическая основа исследования повседневности / Н. В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион Гуманитарные науки. Философия. – 2007. – № 1. – С. 46-51.
13. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация / В. И. Аршинов, М. В. Артеменко, И. А. Асеева [и др.]. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2019. – 232 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Иванова Т.П.,

*доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
кандидат исторических наук, доцент, магистр права*

Тенденции развития законодательства в настоящее время многогранны: декриминализация, динамизм развития нормотворчества и его детализация, использование цифровых технологий и искусственного интеллекта и ряд других. Остановимся на некоторых из них.

Среди правоведов ведется дискуссия на тему феномена декриминализации. Подходы к пониманию данного понятия и его оснований различны, в связи с чем, выделяются три парадигмы: 1) плюралистическая (характерна совокупность причин, которые обосновывают необходимость установления запретов), 2) монистическая, в форме трех направлений – оценочного, фактического и радикального (переосмысливаются формы поведения, понимание общественной опасности преступлений), 3) волюнтаристская (связана с субъективной волей законодателя) [1, с. 5–6].

Однозначно, белорусское законодательство следует тенденции декриминализации. Об этом свидетельствуют изменения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (снижение ответственности за нарушения экономического характера и др.).